

А. А. Филиппова

Тверской государственной университет, 4 курс

Научный руководитель: д.ф.н. В. А. Миловидов

ГЕНДЕРНЫЕ ФИЛЬТРЫ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА Д.Г. ЛОУРЕНСА «ЛЮБОВНИК ЛЕДИ ЧАТТЕРЛЕЙ»)

В переводе неизбежны проявления языковой личности переводчика. В силу ее многоаспектности переводчик реализует в своей работе различные «фильтры», из-за которых и возникает отклонение от семантики оригинала. Существует множество подобных фильтров – от национально-культурных до индивидуальных, и оригинальный текст, проходя через них, как свет сквозь призму, неизменно трансформируется, что порождает множество вариантов одного и того же произведения.

Одним из таких фильтров являются гендерные характеристики переводчика. Так как текст оригинала изначально уже гендерно окрашен, на гендер оригинала накладывается гендер перевода. И отношения между ними не всегда дружественные. Осложняет ситуацию многократно сложная система отношений гендеров в триаде автор-персонаж-переводчик. Допустим, мужчина-писатель дает в своем тексте персонажа-женщину, и его текст переводит мужчина. Или – женщина-писатель дает персонажа мужчину, а переводит текст тоже мужчина. А, может быть, и женщина. И еще может быть очень много вариантов этих отношений. Но опускать руки мы не имеем права, поскольку гендер, действительно, есть фактор текстопроизводства.

Как гендер реализует себя в языке?

Подробно различия между фемининным и маскулинным коммуникативными стилями были описаны в трудах американских исследовательниц Р.Лакофф и Д. Таннен.

Р. Лакофф делала акцент на андроцентричности языка, на дискриминации женщин, в том числе, и его средствами. Р. Лакофф в утверждала в своей работе «Язык и место женщины», что речевое поведение женщины отличается меньшей агрессивностью, большей гуманностью, неуверенностью и ориентированностью на собеседника [Lacoff 2004: 39–77].

Центром работы Д. Таннен стала так называемая «теория двух культур». В книге «Ты просто меня не понимаешь» Д. Таннен описывала различия речевого поведения мужчин и женщин как культурные различия. То есть, в процессе разнополой коммуникации происходит не угнетение и подавление женщины через язык, а диалог двух представителей совершенно разных,

непохожих друг на друга организованных групп, внутри которых уже установлены определённые принципы поведения и речепроизводства [Кирилина 2004: 47; Tannen 1996: 36–54].

На основе этих двух концепций исследователи выводят фемининные и маскулинные характеристики речи.

Фемининные:

- частое использование слов-усилителей (и какой же ты *ужасный* негодяй),
- употребление слов и фраз, смягчающих категоричность утверждения («знаешь», «что-то вроде», «мне так кажется...» и т.д.), а также вводных слов, конструкций, обстоятельств, определений, которые выражают разную степень неуверенности, неопределённости (по-моему, наверное, может быть),
- ярко выраженное использование вежливых форм,
- непрямой характер просьб («Здесь так холодно, правда?» = просьба закрыть окно),
- склонность к более частому использованию уменьшительно-ласкательных слов,
- прямое цитирования (в этом случае, мужчины не цитируют услышанное, а имеют тенденцию к перефразированию),
- образность при описании чувств, большой объём словарного запаса для описания чего-либо,

Маскулинные:

- использование вводных слов, имеющих ярко выраженное значение констатации (очевидно, несомненно, конечно),
- использование нецензурных слов как вводных, более частое употребление нецензурных слов и жаргонизмов,
- однообразие лексических приёмов при передаче эмоций,
- употребление повелительного наклонения при выражении просьб,
- перефразирование при передаче речи другого человека,
- использования парцелляции для привлечения внимания к произносимому,
- уделение меньшего внимания речевым нормам и нормам грамматики,
- стремление к точности номинаций [Кирилина 2004: 72].

Здесь важно отметить, что описанное разделение не носит категоричный характер, особенно в сфере перевода, где переводчик в силу своих профессиональных обязанностей должен воспроизвести гендерные характеристики автора. Но иногда его гендерные склонности прорываются сквозь его профессионализм. При комплексном анализе коммуникативных актов, в первую очередь будет рассматриваться контекст, психологические особенности и культурная принадлежность говорящих. В рамках анализа

проявления гендерных фильтров при создании художественного текста мы будем сознательно рассматривать исключительно гендерный компонент речепроизводства с целью большей наглядности.

Понять, как именно происходит процесс перевода гендерно-окрашенного оригинала, а также трансформация авторского замысла по причине работы гендерного фильтра переводчика, мы попытаемся на примерах из романа Д.Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей».

Сравнить работу женского и мужского гендерных фильтров нагляднее всего получится при анализе схожих коммуникативных ситуаций. В седьмой главе романа герои размышляют о том, какой будет будущая цивилизация. Наиболее ярко разница между фемининным и маскулинным коммуникативными стилями показана в следующем отрывке диалога:

“I do think sufficient civilization ought to eliminate a lot of the physical disabilities,” said Clifford. “All the love-business for example, it might just as well go. I suppose it would if we could breed babies in bottles.” ...

“I suppose,” said Lady Bennerley, contemplatively, “if the love-business went, something else would take its place. Morphine, perhaps. A little morphine in all the air. It would be wonderfully refreshing for everybody.” [Лоуренс 2010: 100]

Клиффорд демонстрирует свою уверенность в говоримом посредством использования вспомогательного глагола *do* в качестве слова-усилителя. Выбор вспомогательного глагола здесь также не случаен. “Ought” – более категоричный глагол по сравнению, например, с “should”, который также мог бы быть использован. Подобная избыточная уверенность задаёт тон всей фразе персонажа – Клиффорд не может утверждать наверняка что произойдёт в будущем (здесь его сомнения выражаются при помощи *might* и конструкции “I suppose”), но его твёрдая убеждённость в собственном мнении сглаживает это, и фраза звучит твёрдо и категорично.

Женская реплика также является гендерно маркированной. Леди Беннерли начинает с мягкого “I suppose”. Далее эта линия речевого поведения дополняется вводным словом “perhaps”. И затем проявляет себя ещё один «женский фильтр». Во последней фразе своей реплики она усиливает эмоциональную окраску слова “refreshing” посредством уже экспрессивного наречия “wonderfully”.

И. Багров передал эти две фразы следующим образом:

«Думается, достаточно развитая цивилизация упразднит многие несовершенства наших организмов, - заговорил Клиффорд. – Взять, к примеру, любовь, - это лишь помеха. ...»

«Случись, любовь отомрёт, - раздумчиво сказала леди Беннерли, - непременно будет что-то вместо неё. Может, морфием увлекаться начнут.

Представьте: вы дышите воздухом с добавкой морфина. Как это взбодрит!»
[Лоуренс в переводе И. Багрова: 113]

Здесь переводчик несколько снимает окрашенность. Первый маркер уверенности Клиффорда был интерпретирован через нейтральную форму «думается». Но оригинально нейтральная реплика про любовь здесь приобретает экспрессивность.

Также несколько размыты гендерные особенности речи леди Беннерли. При переводе слов “wonderfully refreshing” могла бы ярко проявиться свойственная женщинам черта использовать несколько эмоционально окрашенных прилагательных и наречий в ряду. Но здесь используется восклицание «Как это взбодрит!», что тоже можно отнести к характеристике женского дискурса. Имеется в виду эмоциональность и акцент на смысловых частях посредством интонации. Стоит также отметить то, что реплика леди Беннерли в тексте перевода длиннее и многословнее. Можно предположить, что переводчик тем самым подкрепляет стереотип о болтливости женщин, наделяя реплику таким образом «типично женской» чертой.

Т. Лещенко-Сухомлина перевела эти реплики так:

«Я уверен, что будущая цивилизация сумеет устранить массу физических недостатков, - сказал Клиффорд. – Любовь, например, могла бы с успехом исчезнуть....»

«Я предполагаю, - задумчиво сказала леди Беннерли, - что, если любви не станет, что-нибудь другое займёт её место. Морфий, например. Немного морфия в воздухе! Это было бы замечательно освежающе для всех нас!»
[Лоуренс в переводе Т. Лещенко-Сухомлиной: 62]

Можно заметить, что этот перевод более близок к тексту оригинала. Перечисленные выше гендерные особенности мужской речи переданы посредством категоричной формы «я уверен» в начале реплики. Для сохранения гендерных особенностей фразы леди Беннерли Т. Лещенко-Сухомлина использует дословный перевод. «Предполагать» для оригинального глагола “suppose” указывает на тенденцию, существующую в женском дискурсе, смягчать категоричность высказывания, а дословный перевод «замечательно освежающе» для “wonderfully refreshing” является экспрессивно перегруженным.

Работу гендерных фильтров можно увидеть не только во фрагментах диалога, но ещё и там, где звучат слова автора-повествователя. Здесь работа, как автора, так и переводчика несколько усложняется. Здесь менее явно проявляются «типично женские» и «типично мужские» черты речи, поскольку использование ярких гендерных маркеров сведено к минимуму.

В первой главе романа автор погружает читателя в мироощущение Клиффорда:

“Fathers were ridiculous: his own obstinate one supremely so. And governments were ridiculous: our own wait-and-see sort especially so. And armies were ridiculous, and old buffers of generals altogether, the red-faced Kitchener supremely. Even the war was ridiculous, though it did kill rather a lot of people.” [Лоуренс 2010: 12]

И. Багров перевёл эту реплику так:

«Как нелепо и смешно старшее поколение! А его собственный отец – вдвойне! Как нелепы и смешны чиновники! А наши трусливые и ленивые бюрократы – вдвойне! Как нелепы армии, смешны тупоголовые генералы! А красномордый Китченер – вдвойне! А до чего ж нелепа война, смешного, правда, в ней мало: гибнут тысячи и тысячи людей» [Лоуренс в переводе И. Багрова: 18]

Здесь работу мужского фильтра можно заметить в избыточном употреблении слов с негативным значением – wait-and-see governments. И. Багров переводит как «трусливые и ленивые бюрократы». При переводе “old buffers of generals” переводчик делает акцент не на возрасте генералов, а на отсутствии у них ума – «тупоголовые генералы», что только усиливает категорично-негативную оценку.

У Т.Лещенко-Сухомлиной перевод этого фрагмента выглядит так:

«Отцы были нелепы. Его собственный упрямый отец – нелепее всех. И власти были нелепы, особенно выжидательно-настроенные члены парламента. И армия, и генералы, особенно краснолицый Китченер. Даже война была нелепостью, хотя она и уничтожала много народу»

В этом варианте перевода слов с ярко-выраженной негативной окраской практически нет – даже там, где они использованы у Д.Г. Лоуренса. У Т. Лещенко-Сухомлиной перевод “old buffers of generals” опускается. Кроме того, можно заметить не ограничивается прямым повторением слова «нелепый» при переводе – переводчица использует однокоренные слова, делая фразу более разнообразной и динамичной.

Также с точки зрения перевода интересен следующий отрывок произведения:

“The gay excitement had gone out of the war...dead. Too much death and horror. A man needed support and comfort. A man needed to have an anchor in the safe world. A man needed a wife” [Лоуренс 2010: 6]

В переводе И. Багрова он выглядит так:

«Война в два счета покончила с беспечным весельем мирных дней. Кругом смерть, кровь... Мужчине хотелось уюта, поддержки. Мужчине хотелось в

тихую гавань, где можно бросить якорь. Мужчине хотелось жениться» [Лоуренс в переводе И. Багрова: 6]

Отметим, что переводчик здесь использует слово «мужчина» для перевода слова “man”, указывая на связь и одновременно на противопоставление понятий «муж» и «жена». И.Багров наделяет его яркой гендерной окрашенностью.

Т. Лещенко-Сухомлина перевела эту мысль так:

«Веселое возбуждение первых дней войны было убито. Слишком много смертей и ужаса. Человеку нужна была поддержка и утешение. Человеку нужен был верный якорь в этом мире. Человеку нужна была жена» [Лоуренс в переводе Т. Лещенко-Сухомлиной: 4]

В этом варианте перевода гендерная окрашенность снимается, и на передний план выходит более «философская» сторона вопроса – посредством использования нейтрального слова «человек». Также здесь проявляется ещё одна черта фемининного коммуникативного стиля. При переводе предложения “Too much death and horror” переводчица использовала более эмоциональное слово «ужас», делая акцент на испытываемом чувстве. Перевод И. Багрова в то же время не менее ярко транслирует описанный образ, но здесь он скорее рисует перед читателем «картинку», а не передаёт эмоцию.

В переводах следующего отрывка интересно сравнить способы передачи прямой речи в фемининном и маскулинном коммуникативных стилях (здесь речь идёт о том, как относились жители деревни к аристократам Клиффорду и его жене Констанции):

“Yet the village sympathized with Clifford and Connie in the abstract. In the flesh it was—You leave me alone!—on either side. The rector was a nice man of about sixty, full of his duty, and reduced, personally, almost to a nonentity by the silent—You leave me alone!—of the village” [Лоуренс 2010: 15]

И. Багров перевёл эти два предложения так:

«Впрочем, в деревне даже жалели молодоженов, но лишь отвлеченно. А в делах житейских – не тронь! – и та, и другая сторона замыкались. Местный священник – милый старичок лет шестидесяти, истый ревнитель веры – напроць потерял особинку, подчинившись деревенской заповеди» [Лоуренс в переводе И. Багрова: 23]

В переводе Т. Лещенко-Сухомлиной смысл этого отрывка передан так:

«Всё же, отвлечённо, посёлок симпатизировал Конни и Клиффорду. Но на деле это было: оставьте меня в покое, – с обеих сторон. Ректор Тавершала был славным человеком лет шестидесяти, обезличенным этим молчаливым «оставьте меня в покое» со стороны рабочих» [Лоуренс в переводе Т. Лещенко-Сухомлиной: 15]

В переводе, выполненным переводчиком-мужчиной, можно заметить, как в первом предложении прямая речь жителей деревни передаётся лишь частично, а во втором заменяется простым перефразированием. В переводе Т. Лещенко-Сухомлиной в обоих случаях форма прямой речи сохраняется в виде цитаты.

Разница между фемининным и маскулинным коммуникативными стилями также видна в переводе следующего диалога:

“The steam of so much boredom, and discontent and anger out of all the people, just kills the vitality in the air. I'm sure of it.”

“Perhaps some condition of the atmosphere lowers the vitality of the people” [Лоуренс 2010: 213]

Здесь герои спорят о направлении взаимовлияния человека и мира – Констанция утверждает, что именно из-за людей мир вокруг кажется ей неприятным и скучным. По мнению Клиффорда, всё происходит наоборот. Реплика персонажа-женщины очень метафорична, героиня использует слова возвышенного стиля. В то время как в реплике персонажа-мужчины такой же образности не прослеживается. Напротив, здесь прослеживается ирония Клиффорда над супругой.

Перевод И.Багрова выглядит так:

«Их неизбывная скука, недовольство, злоба губят воздух, жизненные силы в нем. Я просто уверена в этом.

– А может, некие атмосферные условия понижают жизненные силы людей?» [Лоуренс в переводе И. Багрова: 189]

Переводчик убирает метафору потока в реплике Констанции. Стоит обратить на перевод последнего предложения её фразы «Я просто уверена в этом». И. Багров добавляет слово-усилитель «просто», что также свойственно женскому коммуникативному стилю.

Т. Лещенко-Сухомлина перевела этот диалог так:

«Струя всей этой скуки, неудовлетворённости и раздражения в людях, - просто убивают жизненную энергию в воздухе. Я уверена в этом.

- Может быть, какие-то атмосферические причины понижают энергию людей?» [Лоуренс в переводе Т. Лещенко-Сухомлиной: 101]

Переводчица сохраняет метафору, и также добавляет слово-усилитель. В этом варианте перевода оно относится непосредственно к метафоре, что создаёт некоторую избыточность, характерную для женской речи. Что касается иронии Клиффорда, она сохранена в обоих вариантах перевода.

Подводя итог, можно отметить, что в контексте исследований вариативности перевода нельзя упускать из внимания гендерные характеристики переводчика. Поскольку литература создаётся людьми про

людей и для людей, читатель не поверит автору, который не смог показать своих персонажей так, как будто бы они существуют и в реальной жизни. Например, для автора-мужчины не представится сложным правдиво показать речь персонажа-мужчина, в то время как для более точной передачи речи персонажа-женщины ему придётся предположить, как информация прошла бы через женский гендерный фильтр, пусть даже этот процесс происходит неосознанно. Но если автор со своей задачей справился, то эта ответственность ложится на плечи переводчика. Ведь в переводе цель создателя текста останется той же самой, разве что с оговоркой на разницу культур.

ЛИТЕРАТУРА

- Кирилина А.В. Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
- Лакофф Р. «Язык и место женщины» Лакофф Р. «Язык и место женщины». URL: https://web.stanford.edu/class/linguist156/Lakoff_1973.pdf (дата обращения: 18.04.2023)
- Лоуренс Д.Г. «Любовник леди Чаттерли». Перевод с английского И. Багрова (главы 1-10), М. Литвиновой (главы 11-19). М.: Издательство АСТ, 2020. 480 с.
- Лоуренс Д.Г. «Любовник леди Чаттерлей». Перевод с английского Т. Лещенко-Сухомлиной. Москва: Издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2018. 1036 с.
- Лоуренс Д.Г. *Lady Chatterley's Lover*. СПб.: Антология, 2017. 265 с.
- Таннен Д. «Ты меня не понимаешь». URL: <https://psychology74.ru/static/doc/0000/0000/0059/59195.2dabug7huu.pdf> (дата обращения: 18.04.23)